

Чёрная трасса.

Герой этого рассказа Михаил, рослый от природы, с возрастом набравший силу и хорошую физическую форму, находясь в раздевалке на вершине высоких Татр, облачаясь в лыжную амуницию, готовился к спуску. Горнолыжная трасса «Ломница» на карте обозначена как чёрная, что означало – смертельно опасная! Но отвага звала человека рискнуть и ринуться на горных лыжах с вершины именно по чёрной трассе «Ломницы» в неведомое, чтобы с ветерком да с посвистом. Невозможно терпеть – прямо на ухо нудит жена, что он в горах без должного опыта, что связки на колене полгода назад порваны и зажили чёрте как, без операции и прочего докторского вмешательства будто на собаке, что спускаться нельзя, потому что туман круто заваренной белой кашей облепил гору, и поэтому ни шута не видно. – Не хватало, чтобы она завопила: «Не пушу!» – Наперекор сильнее прежнего разыграло мужское самолюбие, встало поперёк вопреки рассудку вместе с гигантской уверенностью в своих силах: «Я смогу всё!» Последний щелчок застёжки на сапоге, перчатки на руки, грудь колесом и вперёд... Нечего и думать отступить у вершины, а потому бросил жене: «Не то, не то говоришь, Марта! Отойди!»

И ух! С отвесной горы Ломницы в сгущенное молоко тумана!

А Марта оставшись на вершине Татр, ужаснулась, увидев, как исчезли в мрачном облаке её родные люди: дочь Лада с мужем Иваном и дорогой человек Михаил. Ноги у Марты подкосились и она села в снег. Давно не рискует сама из-за страха за их жизни, чтоб дурного примера не было, только в мыслях... на широком просторе бесстрашно пускается в неведомое. Марта поразила огромному количеству людей ныряющих в серое непроглядное облако тумана. В отчаянии, ощутив себя сигицей, зашептала бестелесной душенькой горе, закликушествовала по-старинному: «Ох, ты моя гора горушечка! Ты твердыня, ты и крепость, и защитница. Защити моих ты детушек, мужа моего любимого, ненаглядного соколика! Уж ты горушка гора горящица, убери от них ты камешки, льдинки, ямы и ухабищи, подстели им снегу белого, снегу мягкого, пушистого. Сбереги живых, не покалеченных, и обрадуй их дорогой правую! А тебе гора, моя горушенька, брошу я серёжку с камешком, с изумрудом да из золота. Не серчай и с круч родименьких не сбрасывай, а прими за милых мой подарочек. Одари их духом мужества царства горного и крепкого»... – Вытащила Марта серёжку золотую с изумрудом да и пустила в непроглядное облако с горы и для горы в дар за близких ей людей. Покатилось её колечко с «Ломницы» вслед за Михаилом да за Ладой с Иваном.

Не зная – куда ей податься, она отправилась в кафе и снова закручинилась над чашкой кофе, пытаясь в тёмной воде предугадать, чем закончится безумный спуск её любимых людей. Безысходность довлекла над нею, своим горнолыжникам она уже ничем помочь не может, только ждать. Ждать и мучиться.

Слишком свежо полугодовой давности воспоминание, тоже ведь ездили кататься на горных лыжах, где она воочию увидела – как со всего маху грохнулся на горе большой человек, и подумала тогда: «Ох, мужик какой-то убили!» И тут же взвыла волчицей, разглядев в убитшемся мужике Михаила, бросила лыжи, палки, полезла вверх, желая быстрее добраться до него, а ноги застревали в негнущихся лыжных ботинках, будто в колодках. Увозили мужа с горы спасатели на санях. И всё ж испытала облегчение – жив, главное жив, а порванные связки на колене, слава Богу, не сломанная спина и не разбитая голова, но оказалось и этого хватило мужу с лихвой. Не так давно колена вопреки прогно-

зам докторов зажило. И дочь Лада не выходила из головы, видите ли, не может Ивана одного отпустить в опасное предприятие! А что ему слону такому сделается? Сильный, здоровый, спортивный. Богатырь. А Лада? Хрупкая. И после такой жуткой аварии кинулась за ним на Ломницу! Отрицательный опыт угнетал и навевал мрачные мысли. И обижаться не на кого – от глупой матери унаследовала дочь несовместимость здравого смысла с любовью.

Ухнув с отвесной горы Ломницы в сгущенное молоко тумана, который мгновенно залепил очки, Михаил ослеп и незрячим, словно в повязке на глазах, полетел отвесно в тартарары. Вернее тело его понесло с бешеной скоростью под весом девяносто кэгэ, и как не крути ногами, погасить её не удавалось. Морозный ветер хлестал в лицо, обжигая скулы и покрывая усы, бороду белым инеем. Фу! Наконец-то появился хоть маломальский просвет, туман стал не такой густой и можно что-то разглядеть. А лучше бы не видел! Под ногами узкая по сторонам с обрывами трасса, с выступами чёрных камней, а он-то уже учёный гусь, знает, что значит налететь на камень. Перед носом, в тесноте и давке, зигзагами неслась масса людей, отчаянно сопротивляясь гибели. На отвесном спуске при страшной скорости Михаилу не избежать столкновения, и выбор у него не велик или улётно на камень, или в обрыв, или на кучу-мала лыжников. А тут ещё больное колено забарахлило, перестало слушаться, ведёт в сторону против воли, сбивая с ног. Влево, вправо, туда-сюда выворачивал лыжи, стремясь затормозить, не стыдно и «плужком», но не мог! Никак не получается! И большой человек Михаил уже понимал на лету, что через несколько секунд всей массой врежется в девушку в красном костюме и молниеносно обожгло: «Это моя дочка! Лада! Только бы не в неё!» – выдохнул, сознавая, что если суждено кого-то сбить, то не сможет никого другого кроме неё. Вместе зарылись в сугроб, за которым обрыв и пропасть! Там внизу далеко и глубоко зияла заснеженная скальная порода. Помогая друг другу, поднялись: – «Пап, это ты?» – с волнением о нём, – Ты как, цел? А как твоя нога?»

– Я то что? Я цел. Мне жутко – я ведь тебя чуть не угробил!

– Всё обошлось, я невредима, нигде, ничего. Надо, пап, спускаться, а то мы другим помеха. Давай надевай лыжи и двигайся, не стой, а то нас ещё раз десять подобьют. Видишь, какой лавиной люди несутся. Срочно поехали Ивана догонять!

– Поехали, дочка! – Чувствует Михаил мокрую спину и ниже, даже бельё и флис насквозь. Страх подступил к сердцу, и оно никак не желало успокоиться – хорошо, что так обошлось. Перепугался за дочь, она ведь после автокатастрофы чудом летом осталась жива. Сказали – счастливица родилась в рубашке.

Тогда весь Ленинский проспект стоял в пробке из-за аварии на мосту, которую Михаил не забудет никогда. Красная машина со всей дури лоб в лоб врезалась в «сиат» дочери, и от её легковушки ничего не осталось, кроме раскуроченного железа... Ополоумевший муж Иван в ужасе кричал не своим голосом: «Лада, Лада!»... Он ехал позади в следующей машине, и у него на глазах рикошетом встречные лупили побитый «сиат» жены ещё несколько раз, пока прижатая к бордюру моста она не остановилась. И, если бы не Иван, то сейчас сложно сказать – осталась жива бы Лада. Через открытый багажник он бережно достал беспамятную свою молодую жёнку, а тут и машина «Скорая помощь» подоспела и Михаил. Отбросив костыль, хромой, подпрыгивая на ходу, он добрался до них. Никто не мог поверить, что Лада не только выживет, но и за руль опять сядет, тем более полезет на Ломницу за своим в кураже отцом и мужем. Чуть очнувшись, тогда в машине скорой она всё спрашивала Михаила, который рыдая, держал её бесчувственную руку:

«Папа, где мои дети? Где мои дети?» – «Их не было с тобой в машине, они у мамы!» – «Скажи, скажи мне правду, где мои дети?» – шептала дочь, и снова впадала в беспамятство.

Как Марта просила, чтобы Лада не спускалась с Ломницы, ей же падать нельзя! – «Ей на Ломницу нельзя!» – вспомнил слова жены Михаил. – «А я, сумасшедший сам полез и дочке не запретил, как назло её срезал, будто плугом проехался. Упрямец, хоть иногда, но надо слушать свою разумную Марту».

Дальше спуск у Михаила превратился в сплошное мучение, все силы забирала неуправляемая скорость, хочешь – не хочешь, а несёт как лист сухой по ветру. Поздно понял, что без риска головой до безопасного места не добраться, а умение, сосредоточенность и воля мало в данном случае что-то решали. По всей трассе то там, а то прямо по ходу барахтались упавшие лыжники, ясно – такие же безбашенные, как и он. Неожиданно метров за сто впереди от Михаила раздался истошный крик: «А...а...а!» – то сорвалась за край трассы вниз женщина, и её потащило в пропасть, лыжи отстегнулись и летели за ней вслед. Ей ещё повезло – она застряла в плотно посаженных кустах, засыпанных снегом, и вокруг разнеслось: «Всё. Докатила. Жива!» Михаил пролетел мимо на скорости, обогнув скученность людей, и лишь краем глаза заметив на снегу за трассой неподвижную лыжницу, ахнул: «Хорошо, Марту не взяли, а то... страшно подумать, что теперь с этой женщиной! Жива, не жива? Цела, не цела? Но точно в шоке!»

Вот уж более половины пути осталось за спиной Михаила, не сосчитать сколько раз сбитый с ног зарывался в снег, а тут сам на повороте влетел в двоих бедолаг, и, завалившись на спину, выгребая из снега лыжи, начал извиняться: – «Простите, нога больная, не удержался!» А в ответ услышал: – «Гляди, какой крутой вкатил! Как врежу по второй, посмотрим, кто из нас круче!» – «Не надо. Итак, известно – кто! Вы, конечно», – а сам подумал: – «Не хватало ещё на горе разодраться с этим кабаном».

Мужчина, действительно широкий со всех углов, видно на сале вскормленный, выбираясь из сугроба, продолжал, но уже жене: – «Ну, ты, Солоха! Сколько раз тебе казав, езжай плужком! Согнись и расщеперь свои толстозадые пышки, а ноги скособочь и тихохонько ползи вниз! А ты? – «А я что? Я расщеперивала, косолапила, а всё одно ты под ноги подлез!» – «Выходит, я виноват?» – «А кто же! Этот-то потом подсунулся!»

Михаил поторопился застегнуть лыжи, и, спешно бросив паре: «Будьте здоровы!» – нырнул снова под гору, понёсся на всех парах вниз, где отвесные спуски, виражи и люди, люди, люди... да сердитый ветер в лицо. Над ним затрещал вертолёт, оповещая шумом винтов, что летит навстречу чьей-то беде. – «А, может быть, за упавшей в пропасть несчастной женщиной?» – подумал Михаил. – «Для неё без сомнений чёрная трасса кончилась хреново».

Скоро повреждённая нога окончательно перестала слушаться, к тому же он на больное колено забыл надеть повязку, а дурно зажившие связки не выдерживали нагрузки экстрима и откровенной болью ставили под сомнение его самонадеянное – «Я всё могу!» Зато как отлично теперь понял Михаил, что гора Ломница – это красивая возможность переломать себе кости за здорово живёшь, она не выпустит по желанию и не даст с неё соскочить, подобно акробату с турника. Приневолит тупо пройти её гибельность до конца, заставит проявить отвагу, пренебрегая близким дыханием мрачной бездны, собрать все силы, всё меньше для сопротивления ей. А вот справишься ли – это ещё вопрос. Но Михаил не собирался сдаваться, песня Высоцкого пришла на ум, и голос выдал с чувством: «Я грязью из-под шин плюю, в чужую эту колею! Эй, вы! Задние! Делай как я. Это зна-

чит не надо за мной. Колея это только моя. Выбирайтесь своей колеёй!» – Так бодря себя песней, Михаил продолжал свой опасный спуск, веря и не веря в успех докатить до завершения «чёрной» трассы Ломницы. – «Эх, нагнать бы Ладу с Иваном! Видно далеко увистели! Я вон сколько отмахал, а их не догнал или не заметил?»

Однако хуже было всё же Марте, которая на вершине высоких Татр сидела в кафе, тупо глядя на нетронутое кофе. Никто её не послушал, не внял голосу разума, что мужу и дочери та залепленная туманом дорога заказана, ясно, как божий день – после таких тяжёлых травм, она для них может стать непроходимой. Что поделаться? Год такой выдался, напряжённый, будто прошли её родные по краю катастрофы, но Бог у последней черты всех сохранил. Марта сидела помертвевшая, в состоянии глухой опустошённости, не глядя на мобильник из-за страха получить дурное известие. Кругом сновали официанты, люди с рюкзаками и лыжами топали сапогами и болтали на чужом языке. Звуки не воспринимались, никого не замечая, думалось с горя – ей непонятны её близкие, родные люди, что ими движет? Отсутствие рассудка? Конечно. Бесстрашие тоже. Но верней всего – желание победы. Над горой ли, над собой? Или это русский «авось», в омут с головой и как-нибудь обойдётся, как-нибудь утрясётся. Ожидание для Марты было тягостным, уж легче, если бы она сама кувыркалась на той чёрной и слепой трассе! Остаётся только молитва... «Господи! Не оставь их, побереги!»

Но вот, наконец, раздался звонок и радостный голос Михаила в телефоне: «Мы доехали, все доехали! Живы и целы! Концовка была феноменальна! Солнце, широкое плато и настоящий снег! Какой кайф, ты не представляешь! Жалко ты не поехала! Марта, спускайся к нам вниз по канатной дороге. Мы подождём тебя!» – Обильные слёзы подсолили кофе, которое теперь можно его и выпить. – «Слава Богу! Целы, живы! Голос звенит, значит, не врёт. И ведь счастливы, а я чуть не умерла! И что ж это за люди такие, от них никакого покоя, только бесконечная тревога! Волос поседел, пока ждала. Как хорошо, что у них всё хорошо закончилось! Видно Бог меня услышал и под бока им пелёнку подстелил».

После того сумасшедшего спуска с чёрной трассы Михаил уже с холодной головой преодолел немало ещё более экстремальных и коварных спусков. Однако сравнивая после Ломницы всевозможные варианты, уяснил – непредсказуема и опасна всегда та трасса, которая плохо подготовлена, толи из-за нерадивости вкупе с непролазной безответственностью, толи из-за неумения хорошо делать дело, толи привычки жить спустя рукава, именно на подобной он однажды разбился. Но вариант предумышленности наиболее вероятен, берёт азартных на «слабо!» Специально, чтоб поглумиться, вживляют камни на узких с обрывами трассах, предупредительно назвав их «чёрными», предложение не для новичков и не для глупцов, но лезут все, не думая, что с неё деться будет некуда, придётся, кровь из носу, а преодолевать.

И в жизни точно так есть спецы вставлять палки в колёса. Но... Что интересно? Обязательно найдутся любители рискнуть прокатиться на таких колёсах с ветерком! А почему бы и нет? А вдруг! Я и тут смогу! Сильно подозреваю, что рассудительная Марта всё ж не права!

